

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ЗАЧЕРКНУТОЕ СЛОВО В ПЕРСПЕКТИВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ»

6—7 октября 2015 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в рамках проекта «Зачеркнутое слово в перспективе художественного высказывания» прошел четвертый международный семинар, в работе которого участвовали ученые из разных городов России, Японии, Китая. Семинар был подготовлен под эгидой не только Пушкинского Дома. В его Оргкомитет вошли представители Уральского федерального университета, СПбГУ, РГГУ, Института Конфуция в СПбГУ.

На утреннем заседании к собравшимся обратилась организатор проекта Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург). Она подвела итоги предыдущих семинаров, наметила перспективы, а также рассказала о выездном заседании, которое состоялось в апреле 2014 года в Кембриджском университете на базе ежегодной конференции Британской ассоциации исследования стран Восточной Европы.

Затем докладчица зачитала приветствие профессора Университета Дэйти С. Мураты (Токио, Япония), в котором было отмечено, что неисчерпаемая тематика семинара «охватывает широкий диапазон словесной науки: не только текстологию, но и литературоведение, культурологию, искусствоведение, лингвистику», другие дисциплины. Связав тематику «зачеркиваний» с процессом «обновления всех творческих явлений», ученый подчеркнул, что «текст, интересующий филологов, не зачеркивается никогда, а лишь создается бесконечным процессом творчества».

Тему «не зачеркивания» продолжила О. Н. Кулишкина (Санкт-Петербург) в докладе «Проблема зачеркивания в ранних текстах В. Розанова («Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского»)». Соотнеся феноменологические аспекты зачеркивания с авторскими стратегиями Розанова, его принципиальным отказом от зачеркиваний и заменой их другими формами правки, исследовательница рассмотрела публикационную историю «Легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891). Ею было отмечено, что Розанов уже в относительно ранний период настаивал на сохранении (не-зачеркивании) «ошибок»: как нечто «бывшее» (случившееся, помышленное, прожитое) — они, с точки зрения писателя, не могут быть «отменены». Позиция позднего Розанова — отказ от того, что стоит между жизнью и словом, от литературы как формы — предвосхищается, по наблюдению Кулишкиной, тем специфическим способом автокорректур, который писатель использует при переизданиях раннего текста.

Н. В. Лоцинская (Санкт-Петербург) в докладе «Интерпретация зачеркиваний в

стихотворных набросках в записных книжках Блока. К проблеме текстологической неопределенности» подчеркнула приоритетность текстологии при изучении проблем «зачеркнутого слова». Сделав акцент на ситуации текстологической неопределенности как в плане прочтения черновиков, так и в плане эдичии, выступавшая вместе с тем отметила, что новации в подходах к «зачеркнутому», о которых шла речь в связи со смежными дисциплинами, важны и при изучении незаконченных черновых текстов. Докладчица остановилась на интерпретации зачеркиваний в разделе незавершенного стихотворного наследия Блока в академическом издании, указав на неоднозначность чтений, трудности репрезентации зачеркнутых текстов, их компоновки, вычленения ядра незавершенного замысла, вариативность эдичионных решений.

В докладе Л. В. Лукьяновой (Санкт-Петербург) «Поиск нового художественного языка в эволюции М. М. Зощенко 1920-х годов» функциональные свойства зачеркиваний были рассмотрены в связи с особенностями художественной рефлексии Зощенко в черновиках его нереализованных замыслов начала 1920-х годов (сборник статей «Реставрация дворянской литературы», статья о Тэффи). По наблюдению докладчицы, акты мысленного и реального зачеркивания в этих материалах свидетельствуют о поиске новых форм, которые могли бы отразить изменяющуюся реальность. Одним из маркеров такого процесса («зачеркивание» языка старой литературной школы и ориентация на эмоционально окрашенное разговорное слово) является, как считает Лукьянова, «доминантное» оценочное слово «дешевка». Так Зощенко помечал (красным карандашом на полях) некоторые выписки, сделанные им при разработке замысла сборника «Реставрация дворянской литературы». Зачеркивание в черновике статьи о Тэффи фамилии сатирика А. Т. Аверченко (при сопоставлении писательницы с другими юмористами) и замена на имя карикатуриста Ре-Ми также свидетельствует о стремлении к оптимизации речевого воздействия («искусство дня», креолизованный текст). Эта тенденция (синтез вербального и графического) своеобразно отразилась, отметила выступавшая, в художественной практике самого Зощенко.

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург) в докладе «Воробей, которого не поймал: можно ли зачеркнуть слово в устной речи и в Интернете?» отметил, что в устной речи вымарывание присутствует всегда, а зачеркивание (оговорок разных типов) крайне затруднено. Напротив, в компьютерных технологиях вымарывание почти невозможно, но большин-

ство текстов является зачеркнутым. При этом зачеркивание может относиться как к тексту, так и к средствам доступа к нему. Избыток данных (информационный шум) начинает выступать как зачеркивание, что сближает Интернет с пространством слетения. Указанные обстоятельства обнаруживают сходство механизмов устной и компьютерной коммуникации, способов их использования для целенаправленного манипулирования (распускание сплетен о самом себе, отвлекающие приемы), что оттеняет роль опирающегося на энантиосемию зачеркивания как прагматического манипулирования адресатом.

Доклад А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «Зачеркивания в рукописях Вяч. Иванова. „Ли́ра Новали́са“: трансформация замысла» был построен на материалах творческой истории незавершенной книги переводов Вяч. Иванова и сопровождался презентацией. Была прослежена история создания и установлены первые публикации отдельных текстов «Лиры». Проявленное А. С. Александровым внимание к зачеркиваниям и исправлениям нумерации в черновиках переводов Вяч. Ивановым текстов Новалиса позволило установить неизвестное ранее издание, которым пользовался Иванов для подготовки книги. Докладчиком были также проанализированы изменения в ее композиции.

Второе заседание открыла М. Комия (Токио, Япония). В своем докладе «Проблема вариативности сцен в черновиках первоначальной версии романа „Зависть“ Ю. Олеши» исследовательница связала специфику зачеркиваний с особенностями «черновикового сознания» писателя, рассмотрев историю создания романа на материале обширных черновиков, хранящихся в РГАЛИ. Как отметила докладчица, противоречивая фабула в многочисленных фрагментах, созданных в период с 1922 по январь 1927 года, резко отличается от фабулы романа, напечатанного в журнале «Красная новь» (№ 7—8 за 1927 год), связанный текст которого был создан всего за полгода. Многократное переписывание и редактирование предварительных набросков свидетельствует о том, какую важную роль играли эти эпизоды в первоначальном замысле романа. В докладе рассматривается сцена встречи Кавалерова с Андреем Бабичевым. Анализ зачеркиваний позволяет, по заключению выступающей, уяснить, каким моментам уделял особое внимание Олеша в работе над текстом.

Ю. Б. Орлицкий (Москва) в докладе «Зачеркнутый поэтический текст в кругу других вариативных форм» соотнес зачеркивание как прием поэтики с иными художественными способами варьирования текста. Отметив, что любая возможность изменения смысла стиха может восприниматься как упразднение или наращивание предыдущих значений, докладчик выделил несколько типов та-

ких изменений. Среди поэтических приемов им были рассмотрены: замедляющие темп чтения «примечания» в составе стихотворного текста (С. Кирсанов «Строки в скобках»), «ветвящиеся» стихи, в том числе напечатанные в две колонки (сонеты А. Ржевского), эксперименты со стихом Г. Сапгира («анти-зачеркивание» и др.), фигурные стихи (В. Каменский, М. Амелин), другие виды визуальных стихов. Доклад сопровождался демонстрацией поэтических образцов и сопоставлением роли использованных в них приемов с зачеркиванием.

В своеобразном ракурсе тема семинара преломилась в докладе «О стилях почерков в рукописи как приеме современных поэтов Китая», который предложил вниманию собравшихся Ж. Чжан (Санкт-Петербург—Пекин, КНР). Китайский ученый поведал о законченных по смыслу и воплощению автографах, которые не предполагают зачеркиваний. Выступающий отметил, что в соответствии с теорией неогумбольдтианства о языке как промежуточной инстанции между человеком и миром китайский язык являет собой картину характера китайского народа. Яркая характеристика этого языка — каллиграфия: искусство изображения слов. Ключевой особенностью каллиграфии является наличие гармонии духа и движения. Это означает, что изображение мысли, которую пишущий желает передать на письме, должно быть оформлено так, чтобы читателю был понятен не только смысл написанного, но и душевное состояние, вызываемое им. На примере анализа рукописей стихотворений Мао Цзэдуна («Люпаньшань», 1935 и др.) докладчик продемонстрировал, в том числе — визуально, как с помощью каллиграфии в автографах выражены тонкие чувства и душевные настроения, связанные с тогдашней политической обстановкой в Китае.

Т. В. Левченко (Москва) представила доклад на тему: «Зачеркивания как путь к „глотку свободы“». История текста неопубликованных статей Ф. М. Левина о романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» (журнальный вариант и повесть «Глоток свободы»): по рукописям из архива критика». По замечанию выступающей, целенаправленность вычеркиваний в статьях критика об Окуджаве свидетельствует о том, что взгляд Левина на исторический роман как на средство поставить читателя думать, сопоставлять, сомневаться, был несовместим с тогдашними идеологическими установками, и это явилось причиной отказа в их публикации. Работа над статьей «Сквозь призму времени» (сохранилась машинопись с правкой) о романе Окуджавы стала, как подчеркнула Левченко, последним в жизни этапом борьбы за «глоток свободы» для этого литературного критика.

О зачеркиваниях, так или иначе обусловленных цензурой, говорила И. А. Спиридонова (Петрозаводск) в докладе «Рассказ

„Домашний очаг” А. Платонова: „пропавший” текст». Интрига ее выступления оказалась связана с редукцией платоновского «текста в тексте», которая возникла в результате редакторских зачеркиваний при публикации рассказа в 1943 и 1945 годах. Изъятия были направлены на ликвидацию подтекстных смыслов, всего того, что расходилось с официальной советской идеологией. Цензурная правка выражалась в подменах, в сокращениях фрагментов (описания красноармейцев, ребенка и др.), которые расширяли поле конфликта от социально-политического до экзистенциального. Были вычеркнуты сцены (сюжет с мухами и др.), где борьба с фашистскими захватчиками (внешний враг, внешнее зло) переводилась у Платонова в план проблем национальной и общечеловеческой жизни. Изменения исказили авторскую установку на усиление эпичности малого жанра. Спиридонова обратила также внимание на проблему «обратной деформации», когда вычеркнутое редактором при последнем восстановлении получает повышенную семантизацию (зачеркивание как подчеркивание) и не сразу находит «свое место» в целостном художественном высказывании автора.

А. В. Федоров (Москва) в докладе «Три тетради А. К. Толстого (по материалам ГАРФ, ОПИ ГИМ и НИОР РГБ)» рассказал об изучении трех тетрадей со стихотворениями А. К. Толстого: находившейся у А. С. Уварова (ОПИ ГИМ), безымянной (ГАРФ) и принадлежавшей В. М. Жемчужникову (НИОР РГБ). Исследование показало, что поэт продолжал править тексты и после их публикации. Приведя пример конъюнктурного зачеркивания (в стихотворении «Колокольчики мои...»), докладчик отметил, что в подавляющем большинстве случаев зачеркивания и исправления в тетрадях отражают поиск оптимальных вариантов выражений и образов, стремление к большей точности и краткости поэтического высказывания. Особенно важной была правка, которую Толстой внес в «жемчужниковской» тетради в стихотворение «Средь шумного бала, случайно...», связанное с С. А. Миллер, ставшей позднее самым близким для него человеком. Как отметил выступавший, уточненная характеристика лирической героини в этом тексте представляет собой ретроспективный взгляд на событие и становится для поэта более ценной, чем первоначальная «импрессионистичная» зарисовка.

С неожиданной стороны к зачеркиванию как художественному приему подошел Б. Ф. Шифрин (Санкт-Петербург). В докладе «К поэтике подхватывания (зачеркивание в ряду пойзисных стратегий)» выступавший напомнил аудитории, что концепт подхватывания восходит к примеру поэтического состязания Гомера с Гесиодом: «Гесиод начал (...): Сели они, чтобы вволю поест коней бистроногих... Гомер подхватил: ...коней бист-

роногих / Мирно пустили пастись...» («Занимательная Греция» М. Л. Гаспарова). Отметив, что эвристический ресурс актуализирующего неопределенность подхватывания используется как игровым фольклором, так и современными поэтическими практиками (А. Горнон и др.), Шифрин сопоставил это с подхватыванием сплетни или анекдота, а также — с разными видами зачеркивания-оспаривания предшествовавшего высказывания (вплоть до «речевой машины», сводящейся к эстафете «зачеркиваний»). Образ «подхватывающего» высказывания с изменением-зачеркиванием-перерасложением предшествовавшего фрагмента в перспективе пойзиса представляется, по мнению докладчика, более адекватным, нежели образ наслаивающегося текста, зачеркивающего предшествующую запись (случай палимпсеста).

Г. В. Зыкова (Москва) выступила с докладом «Практика купирования авторского текста в английском театре», в котором рассмотрела некоторые случаи современных английских переделок русских классических пьес (А. П. Чехова, И. С. Тургенева и др.). Зыкова отметила, что в этих адаптациях имеет место как «дописывание» оригинала, так и «вычеркивание» того, что сегодня воспринимается в Англии в русских текстах не как общечеловеческое, а как специфически национальное. В процессе переделки удаляется, по наблюдению докладчицы, все то, что для драматурга и потенциального зрителя оказывается непонятным, чуждым или представляется слишком циничным из-за разницы менталитетов.

О «зачеркиваниях» в связи с переводческой практикой говорила также К. И. Шарафадина (Санкт-Петербург). В ее докладе «„Вычеркивание” авторского текста в переводческой адаптации: границы допустимого» (Ориентальный фрагмент прозы «Западно-восточного дивана» И.-В. Гете) шла речь о предложенном Гете читателям варианте восточного селама, созданном из рифменных созвучий немецкого языка. Послание состоит из 48 предметов, названия которых рифмуются с репликами любовного диалога. Шутливый характер «маленького романа» Гете заставлял исследователей относиться к этому фрагменту без должного внимания. В русской переводческой версии А. В. Михайлова «вычеркнута» треть оригинального текста, добавлено пять новых предметов, из которых только два имеют восточный колорит, поскольку переводчик исходил из установки передать идею рифменного созвучия предметов и реплик на «русском» материале. В докладе был поставлен вопрос о допустимости радикальных вычеркиваний и замены авторского текста из стратегических соображений поиска культурно-языкового эквивалента.

Второй день семинара начался с доклада А. Г. Гродецкой (Санкт-Петербург) «Тотальность зачеркивания в рукописях толстовского „Воскресения”, который без преуве-

личения можно назвать кульминацией темы «зачеркнутый текст». Опираясь на обширнейшие материалы (более 10 000 листов), относящиеся к подготовке романа, Гродецкая подтвердила адекватность толстовского заявления П. И. Баргеву: «Не мараť так, как я мараю, я не могу». Многоступенчатый характер правки, приводящей к сплошному (до черноты) вымарыванию текста, был проиллюстрирован разбором наиболее характерных типов зачеркиваний в рукописях. По наблюдению исследовательницы, перебеленный автограф сначала правился незначительно, затем радикально до такой степени, что нижний слой оказывался ненужным. Как заметила выступавшая, вариативность, производящая впечатление избыточности, чрезмерности, — главное качество поздних толстовских рукописей. Текстологу, производящему реконструкцию этапов работы Толстого над текстом, приходится, двигаясь вперед, постоянно возвращаться назад. По мере увеличения материала и разрастания сюжета такая реставрация, подчеркнула докладчица, становятся все более рискованной, почти невозможной.

Оригинальный подход к теме «зачеркивания» в лингвистическом аспекте предложила Т. С. Садова (Санкт-Петербург). В докладе «Не-отрицание в русском языке: „зачеркивание“ в поиске нового смысла» она рассмотрела модель семантического зачеркивания с помощью приставки «не». По замечанию выступавшей, ключевым в понимании сути русского отрицания становится тезис А. А. Потебни: «Полное отрицание невозможно», что в известной степени укладывается в расширительное значение темы семинара «зачеркнутое слово»: зачеркнуть — не значит «устранить, сделать недействительным, несуществующим», это, напротив, означает известное сохранение исходного значения, данного как отправная точка для утверждения в отрицании. Докладчицей было отмечено, что имена абстрактного значения с префиксом не- в русском литературном языке, особенно в текстах философской прозы и публицистики, приобретают значительные содержательные приращения, что в аспекте «зачеркнутого слова» можно квалифицировать как поиск нового смысла.

Новое о специфике зачеркиваний в борьбе за выживаемость ведущего отечественного журнала второй половины XX века участники семинара узнали из доклада Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиленова (Екатеринбург) «Редакционное зачеркивание (по материалам архива журнала «Новый мир» эпохи А. Твардовского)». Зачеркивания, по наблюдению авторов доклада, были мотивированы как стремлением усовершенствовать текст (например, зачеркивание Твардовским десятков страниц в рукописи романа В. Гроссмана «За правое дело»), так и необходимостью в период «оттепели» смягчать идеологическую остроту печатавшихся про-

изведений (в частности, при публикации мемуаров В. Каверина «За рабочим столом», «Кубика» В. Катаева, книги И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», «опыта автобиографии» Б. Пастернака «Люди и положения»). Скрупулезная работа с текстами, а также выстраивание дипломатических отношений, с одной стороны, с авторами, с другой стороны, с цензурой, — является, как было показано в докладе, классическим примером профессионализма работы русского «толстого» журнала в рассматриваемую эпоху.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Зачеркнутые стихи в „Третьей тетради“ Анны Радловой», посвященным исследованию зачеркиваний и поправок в рукописи Анны Радловой из фонда С. Э. и А. Д. Радловых в ОР РНБ. Эта рабочая рукопись представляет собой, по характеристике докладчицы, своеобразный поэтический дневник, в котором в период от 17 июля 1918 года до 12 ноября 1921 года записывались стихотворные наброски и законченные произведения, впоследствии вошедшие в книги «Корабли» (1920) и «Крылатый гость» (1922). «Третья тетрадь» Радловой запечатлела следы и этапы работы автора с текстом посредством зачеркиваний и вымарывания первоначальных не удовлетворивших автора вариантов. В докладе произведена классификация слов, строк и целых произведений, которые подверглись зачеркиванию в процессе работы над ними, а также при подготовке к публикации в периодике. Особое внимание было уделено изменению посвящений к стихотворениям, снятых или добавленных при публикации.

Об одном недоразумении, сопровождавшемся зачеркиванием, рассказал собравшимся Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) в докладе «В защиту доброго имени (об одном автографе-зачеркивании С. Есенина)». Встав на защиту репутации поэта Якова Година, именем которого в одной из журнальных публикаций было подписано стихотворение, принадлежавшее Сергею Есенину, выступавший рассказал об обстоятельствах зачеркивания Есениным имени Якова Година в ставших доступными экземплярах «Женского журнала». При этом Белодубровский предложил свое объяснение того, почему произошла ошибка при публикации.

После перерыва участникам был представлен доклад А. Н. Ушаковой (Москва) «Философия черновика Ю. К. Олеши». Выступавшая отметила, что зачеркивания были принципиальными в работе Олеши над произведениями: как только возникал замысел книги определенного жанра, начинались поиски одного единственно верного слова. Вместе с тем его черновики являют собой утверждение ценности каждого спонтанно записанного слова, мгновенно созданного образа. Сочетание этих двух точек зрения формирует творческое пространство писателя, которого обвиняли в «исчерпанности» из-за того, что

долгое время не публиковались произведения, способные произвести эффект романа «Зависть» (новой не только для России, но и для Европы книги).

И. И. Матвеева (Москва) в докладе «Издательская практика как аналог зачеркивания (по повести А. Платонова «Город Градов»)» рассказала о двух напечатанных при жизни Платонова редакциях повести. Первая редакция, представленная в сборнике «Епифанские шлюзы» (1927), имела необычный набор шрифтов, которыми в тексте были выделены вставки: вывески, вырезки из газет, маркировались записки философа-бюрократа Шмакова и прочее. С помощью графики обозначались метрически организованные фрагменты, напоминающие версес. Однако во второй редакции, опубликованной в 1928 году в журнале «Красная панорама», выделения шрифтом были сняты. По мнению автора доклада, подобное «зачеркивание» привело к утрате игрового компонента повести, кроме того, так были убраны имплицитные указания на цитируемые книги, в том числе на книгу П. Н. Черменского «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» (Тамбов, 1926). В результате во второй редакции на смену иронии и игровому компоненту пришло злободневное политическое содержание и сатира.

В докладе А. А. Солдаевой (Санкт-Петербург) «Вариативность русской традиционной загадки: зачеркивание, определяемое традицией», была поднята проблема вариативности «малых» фольклорных текстов, прежде всего, загадки. Выступавшая предложила рассматривать загадки в рамках теории интертекста, по которой он представляет собой «объективно существующую информационную реальность, являющуюся продуктом творческой деятельности Человека, способную бесконечно самогенерировать по стреле времени» (Н. А. Кузьмина). Проанализировав загадки с отгадкой «печь» из сборника Д. Н. Садовникова, Солдаева продемонстрировала, как изменения в загадке влияют на смысл текста, уточняют семантическую структуру слова-отгадки в рамках традиционной языковой картины мира. По наблюдению выступавшей, различия в «загадочных» текстах с одной отгадкой являются своеобразным «зачеркиванием», переосмыслением, дополнением уже существующей традиции в поисках наиболее точного и соответствующего коммуникативному заданию жанра способа выражения.

И. В. Ваганова (Ярославль) выступила с докладом «Неосуществленные издания как зачеркивание в отношениях между писателем и издателем. Из истории издательства К. Ф. Некрасова (1911—1916 гг.)». Рассказав о коррективах в планах издательства в связи с менявшимися (в частности под влиянием П. П. Муратова) взглядами К. Ф. Не-

красова на литературу, она проанализировала причины, по которым (помимо трудностей военного времени) программа издательства, ориентированная целиком на культурно-просветительские цели, не была выполнена в полной мере. Проследив истории неосуществленных изданий Андрея Белого, Ивана Бунина, Дмитрия Мережковского, Бориса Зайцева, Федора Сологуба и других писателей, с которыми у издательства были договоренности, Ваганова отметила, что изменение планов не всегда сопровождалось «зачеркиванием» в отношениях издателя и писателя. Однако само по себе «неиздание» задуманного и написанного произведения можно, по замечанию докладчицы, рассматривать как зачеркивание для литературного процесса в целом.

Выступления докладчиков завершились сообщением Н. В. Лощинской «О черновом автографе стихотворения А. Блока „Поэты“»: возможности факсимильного изображения и специфика подачи текста». В презентации, сопровождавшей это выступление, были проиллюстрированы трудности чтений, а также способы оптимальных подходов к воспроизведению зачеркнутого текста в условиях текстологической неопределенности.

Затем состоялся Круглый стол, в ходе которого были заслушаны мнения участников и в дополнение к вопросам и репликам, прозвучавшим во время заседаний, развернулась дискуссия вокруг самого концепта «зачеркнутый текст». Полемика была инициирована, с одной стороны, заблаговременным анонсированием в качестве цели семинара изучения феномена зачеркивания, всех его смыслов и функций, с другой стороны, — конкретным содержанием прослушанных докладов. Амплитуда суждений колебалась от опасения, что предмет исследования превратится в «зачеркивание без границ» (А. В. Подчиновен), до принятия (порой с оговорками) широкого взгляда на «зачеркнутый текст» (Т. С. Садова, Т. А. Снигирева, Т. В. Левченко и др.). Е. И. Колесникова подчеркнула междисциплинарный по некоторой степени характер семинара, а С. В. Чебанов отметил, что расползание темы можно компенсировать при помощи техники «мозгового штурма» и составления карты интеллектуального пространства понятия «зачеркнутый текст». Ранее в процессе обсуждения докладов прозвучал тезис об универсальности феномена зачеркивания (Б. Ф. Шифрин). В свою очередь, Т. А. Снигирева поддержала замечание Н. В. Лощинской об онтологической основе рассматриваемой проблемы. Все участники положительно оценили результаты работы семинара и высказали пожелание продолжить через год обсуждение темы.